

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.77

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39)

Мемориальные войны в контексте медиапамяти

Денис Сергеевич Артамонов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Статья исследует феномен мемориальных войн — конфликтов вокруг интерпретаций исторических событий, коммеморативных практик и символического наполнения публичного пространства. Основная проблема заключается в анализе роли медиапамяти в условиях цифровизации, где исторические нарративы становятся инструментом формирования коллективной идентичности, легитимации политических проектов и геополитического противостояния. Автор применяет междисциплинарную методологию, сочетающую качественные подходы, а также цифровые инструменты для изучения визуальных и дискурсивных аспектов памяти.

Автором выявлены механизмы мемориальных войн как борьбы за доминирующие интерпретации прошлого, усиленной цифровыми технологиями и историческими фейками. Проведен анализ кейсов (декоммунизация в Украине, движение Black Lives Matter, резолюция Европарламента 2019), демонстрирующих политизацию памяти и ее связь с идеологическими и геополитическими интересами. Также

в статье рассмотрена роль социальных медиа как арены конкуренции нарративов, где эмоциональная вовлеченность и алгоритмическая селекция усугубляют поляризацию.

Автор приходит к выводу, что медиапамять, несмотря на потенциал демократизации доступа к информации, усиливает мифологизацию истории, превращая её в поле идеологических битв. Цифровая среда способствует гибридизации памяти, где официальные, альтернативные и маргинальные версии прошлого сосуществуют в условиях нарастающей исторической ревизии и конфликта интерпретаций.

Ключевые слова: мемориальные войны, историческая память, медиапамять, коммеморация, политика памяти, цифровизация, социальные медиа, символические конфликты, государственная идеология, национальная идентичность

Для цитирования: Артамонов Д.С. Мемориальные войны в контексте медиапамяти. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 20-39.

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-20-39](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-20-39)

Memorial Wars in the Context of Media Memory

Denis S. Artamonov

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State University», Saratov, Russian Federation
artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Abstract. The article explores the phenomenon of memorial wars — conflicts around interpretations of historical events, commemorative practices, and symbolic content of public space. The main problem is to analyze the role of media memory in the context of digitalization, where historical narratives become a tool for shaping collective identity, legitimizing political projects and geopolitical confrontation. The author uses an interdisciplinary methodology combining qualitative approaches, as well as digital tools to study the visual and discursive aspects of memory.

The author identifies the mechanisms of memorial wars as a struggle for dominant interpretations of the past, reinforced by digital technologies and historical fakes. The analysis of cases (decommunization in Ukraine, the Black Lives Matter movement, the European Parliament resolution 2019) demonstrating the politicization of memory and its connection with ideological and geopolitical interests is carried out. The article also examines the role of social media as an arena of narrative competition, where emotional engagement and algorithmic selection exacerbate polarization.

The author concludes that media memory, despite the potential to democratize access to information, enhances the mythologization of history, turning it into a field of ideological battles. The digital environment contributes to the hybridization of memory, where official, alternative and

marginal versions of the past coexist in conditions of increasing historical revision and conflict of interpretations.

Keywords: memorial wars, historical memory, media memory, commemoration, memory policy, digitalization, social media, symbolic conflicts, state ideology, national identity

For citation: Artamonov, D.S. Memorial Wars in the Context of Media Memory. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 20-39.

Введение

В последние десятилетия феномен мемориальных войн становится объектом пристального внимания со стороны исследователей различных гуманитарных дисциплин. Под мемориальными войнами понимаются конфликты, возникающие вокруг интерпретаций исторических событий, способов их коммеморации и наполнения символическим смыслом публичного пространства. Эти конфликты отражают глубинные процессы трансформации коллективной памяти в условиях глобализации, политизации истории и цифровизации социальных коммуникаций.

Актуальность изучения мемориальных войн обусловлена их ключевой ролью в процессах формирования коллективной идентичности. В ситуации кризиса традиционных идеологий именно историческая память все чаще выступает в качестве основы для конструирования национальной и социальной солидарности. При этом столкновения между различными версиями прошлого, будь то споры вокруг памятников, мемориалов или содержания школьных учебников, демонстрируют, как исторические нарративы используются для легитимации современных политических проектов и идеологических установок.

Особую значимость приобретает анализ мемориальных войн в контексте глобализации исторического сознания. С одной стороны, наблюдается становление транснациональных мемориальных дискурсов, связанных с признанием преступлений против человечности, например таких как Холокост. С другой стороны, этот процесс встречает сопротивление со стороны национальных историографических традиций, что порождает новые

формы исторического ревизионизма и ведет к обострению символических конфликтов между государствами и социальными группами.

В академическом плане исследование мемориальных войн способствует развитию междисциплинарного диалога между историей, политологией, социологией и культурологией. Это позволяет разрабатывать новые теоретические модели для осмысления феномена конкурирующих памятей и механизмов их взаимодействия в публичном пространстве. Кроме того, в условиях цифровой эпохи социальные медиа и виртуальные платформы становятся новыми аренами мемориальных битв, что требует переосмысления традиционных подходов к изучению коллективной памяти.

Таким образом, изучение мемориальных войн представляет собой важное направление современных гуманитарных исследований, позволяющее не только анализировать механизмы формирования исторического сознания, но и прогнозировать возможные линии социального напряжения в условиях нарастающей исторической поляризации. Понимание природы этих конфликтов имеет существенное значение как для развития академического знания, так и для выработки стратегий достижения общественного согласия в вопросах исторической памяти.

Материалы и методы исследования

Исследование мемориальных войн требует применения разнообразных методов и источников, что обусловлено междисциплинарным характером темы и сложностью самого феномена исторической памяти. Основу методологии составляют качественные подходы, позволяющие анализировать символические, дискурсивные и визуальные аспекты конфликтов вокруг прошлого. Одним из ключевых методов выступает критический анализ дискурса, направленный на выявление идеологических паттернов в текстах политических заявлений, медиаматериалов, образовательных программ и правовых документов. Такой анализ помогает раскрыть, как конкурирующие группы формируют нарративы о прошлом, акцентируя одни события и замалчивая другие, а также как эти нарративы соотносятся с текущими властными отношениями.

Важным источником данных становятся визуальные и материальные объекты памяти: памятники, мемориалы, музеи, уличные граффити,

архитектурные пространства. Их исследование требует применения семиотического и иконографического анализа, а также методов, включающих наблюдение за практиками коммеморации — церемониями, протестами, актами вандализма. Визуальная антропология, дополненная фотодокументированием и картографированием мемориальных объектов, помогает понять, как физическое пространство превращается в арену символической борьбы. Так, демонтаж памятников советской эпохи в Восточной Европе или споры вокруг статуй колониальных деятелей в США и Великобритании могут быть интерпретированы через призму перераспределения символической власти в публичной сфере.

Комплексное изучение мемориальных войн требует сочетания традиционных гуманитарных методов с инновационными цифровыми инструментами, что позволяет охватить как материальные, так и дискурсивные измерения памяти. Такой подход не только вскрывает механизмы конструирования исторических истин, но и способствует поиску путей диалога в условиях мнемонического плюрализма, столь характерного для современных обществ.

Результаты исследования

Реализация исторической политики как инструмента формирования коллективной идентичности неизбежно провоцирует конфликты интерпретаций прошлого, трансформирующиеся в масштабные мемориальные войны, которые приобретают особую значимость в условиях цифровой эпохи и медиатизации публичного пространства. Феномен «мемориальных войн» или «войн памяти», получивший широкое распространение в медиадискурсе, политической риторике и публицистике в последние десятилетия стал объектом глубокого теоретического осмысления в рамках междисциплинарных исследований. Так, историк А. И. Миллер, анализируя противостояние России и европейских стран, трактует данный термин как информационное столкновение, связанное с борьбой за доминирующие интерпретации ключевых исторических событий, в частности наследия Второй мировой войны (8, с. 114). Подобные конфликты, будучи разновидностью смысловых войн, формируются через дискурсивные практики мифотворчества, что, по мнению Г. Л. Тульчинского, отражает

столкновение нарративов о прошлом, включая события, удаленные от современности (12, с. 27).

Мемориальные войны могут быть определены как стратегическое противоборство исторических концепций, реализуемое через медиаканалы с целью достижения политических, экономических или идеологических преимуществ. Этот процесс предполагает целенаправленный отбор, репрезентацию и распространение исторической информации, а также манипуляцию источниками для конструирования коллективных идентичностей и легитимации конкретных вариантов политики памяти. Однако конкуренция версий прошлого в публичной сфере демонстрирует, что монополия государства или институциональных акторов (политиков, медиа-лидеров, идеологов) на формирование медиапамяти не является абсолютной. Активное участие массовых аудиторий в цифровых пространствах, создание пользовательского контента и спонтанные дискуссии в социальных сетях свидетельствуют о демократизации мнемонических практик.

Мемориальные войны раскрывают динамику взаимодействия «официальной» и «альтернативной» исторической памяти, где государственные институты, с одной стороны, и гражданские акторы — с другой, вовлекаются в непрерывный диалог или конфронтацию. Этот процесс подчеркивает, что коллективные представления о прошлом формируются не только через директивные механизмы исторической политики, но и через горизонтальные коммуникативные практики, что усложняет попытки унификации памяти в условиях плюралистических обществ. Анализ таких конфликтов позволяет выявить, как исторические нарративы становятся ресурсом для мобилизации групп, инструментом «мягкой силы» (soft power) и одновременно полем борьбы за символический капитал в глобальном и локальном измерениях.

Ключевыми объектами мемориальных войн чаще всего выступают памятники, мемориалы и скульптуры, становясь символическими аренами борьбы за интерпретацию прошлого в условиях социальных трансформаций. Современным примером служит Украина, где с 2015 года реализуется политика декоммунизации, направленная на уничтожение советского коммеморативного наследия. Первая волна сносов памятников, известная как «ленинопад», затронула монументы В. И. Ленину, после

чего деструкция распространилась на мемориалы Великой Отечественной войны, а с началом Специальной военной операции в 2022 году — на объекты, связывающие украинскую и российскую историю. Украина не является исключением: аналогичные процессы наблюдаются в контексте движения Black Lives Matter (BLM), где протесты против системного расизма сопровождались сносом памятников Христофору Колумбу и другим фигурам, ассоциирующимся с колониализмом и рабством. Как отмечает А. А. Линченко (7, с. 239), «колумбопад» стал инструментом конструирования идентичности для чернокожего населения и коренных народов, демонстрируя, как прошлое используется для легитимации современных требований.

В России масштабные конфликты вокруг памятников происходили дважды: после Революции 1917 года и в период распада СССР в 1991 году. Декрет СНК РСФСР «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 года легитимизировал замену «царских» монументов на революционные, что можно назвать первым планом монументальной пропаганды. В рамках этой политики были уничтожены памятники Сергею Александровичу, Михаилу Скобелеву, Александру II, а также костромской монумент Михаилу Фёдоровичу и Ивану Сусанину. После провала ГКЧП в 1991 году волна вандализма вновь затронула советские символы: был снесён памятник Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади, а статуи Ленина исчезли с центральных площадей Кишинёва, Риги и других городов. Однако, как указывает А. В. Комплеев (5, с. 54), большинство монументов сохранилось: по данным сайта «Lenin.tilda.ws», из 14 000 установленных в СССР памятников Ленину около 7 000 осталось в России и 5 500 — на Украине.

Мемориальный бум, фиксируемый исследователями (9, с. 306; 10, с. 55), отражает тенденцию к переосмыслению прошлого как основы коллективной идентичности. В постсоветской России новая политика памяти привела к установке памятников, соответствующих актуальному историческому нарративу, при сохранении советского наследия. Как подчёркивает А. И. Кузнецов (6, с. 110), этот процесс демонстрирует сосуществование противоречивых коммеморативных практик, где старые и новые символы формируют гибридное пространство памяти. Так, борьба с памятниками раскрывает не только конфликты интерпретаций, но и попытки переопределить историческое сознание через манипуляцию материальными носителями памяти.

Мемориальное противостояние между Россией и Украиной, обладая выраженной политической подоплёкой, тесно связано с актуальной идеологической повесткой. Ярким примером стала дискуссия, инициированная 29 мая 2017 года в ходе пресс-конференции по итогам российско-французских переговоров, где президент РФ В. В. Путин упомянул Анну Ярославну — дочь киевского князя Ярослава Мудрого, супругу французского короля Генриха I — как фигуру, символизирующую исторические связи России и Франции. В ответ президент Украины П. А. Порошенко обвинил российского лидера в попытке «похищения» Анны Ярославны в контекст российской истории, подчеркнув: «Путин пытался на глазах всей Европы похитить (Анну Ярославну — Д. А.) в российскую историю». Эскалация конфликта продолжилась 1 декабря 2017 года, когда П. А. Порошенко заявил, что «Русская правда» — правовой свод Ярослава Мудрого — «к России не имеет никакого отношения, потому что России тогда не существовало», акцентируя тезис об автономности украинского исторического нарратива. В августе 2018 года глава Украинского института национальной памяти В. М. Вятрович в интервью изданию «Украинская правда» расширил критику, утверждая, что Россия стремится «приватизировать» украинское прошлое вместо поиска «собственных корней» (2, с. 6). Ответом на эти обвинения стала активизация альтернативных исторических конструктов, таких как сфальсифицированный нарратив о «Русском летописце», который, по замыслу создателей, должен был минимизировать роль Киева в формировании русской идентичности. Независимо от первоначальных целей авторов, данный фейк был оперативно интегрирован в публичный дискурс как аргумент в мемориальной войне, трансформировавшись из элитарного противостояния на уровне глав государств в массовую дискуссию среди рядовых пользователей социальных сетей. Этот историко-мемориальный конфликт демонстрирует, как политические элиты используют прошлое для легитимации современных идеологических установок, а цифровая среда служит катализатором распространения альтернативных нарративов, усиливая поляризацию коллективной памяти (11, с. 86-91).

Оружием мемориальных войн в современной медиасреде выступает исторический фейк, который представляет собой разновидность интернет-контента, транслирующего преднамеренную или спонтанную фальсификацию исторических фактов, источников или событий, распространяемую

в цифровом пространстве. Этот феномен укоренен в традициях манипуляции историческими нарративами, которые на протяжении веков использовались для легитимации власти, территориальных претензий или идеологических доктрин. В отличие от классических подлогов, требующих материального создания или модификации документов, сетевые фейки опираются на цифровые технологии, позволяющие исказить прошлое через ложные интерпретации, визуальные манипуляции и мифологизацию.

Ключевым аспектом исторических фейков является их многоформатность. Например, фальсификация источников, такая как «Влесова книга» или «Протоколы сионских мудрецов», продолжает циркулировать в сети, несмотря на многократные разоблачения академическим сообществом. Эти тексты, наряду с псевдоисторическими теориями вроде «Новой хронологии» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, обретают вторую жизнь в цифровой среде: их сторонники поддерживают веб-сайты (<http://chronologia.org/>) и социальные сети (сообщество «ВКонтакте» с более чем 8000 подписчиков), продвигая альтернативные версии истории. Работы В. Суворова («Ледокол»), М. Аджи и других авторов, маркируемые научным сообществом как лженаучные, также входят в этот ряд, трансформируясь из книжных публикаций в вирусный контент.

Фейковые аккаунты исторических фигур (Ивана Грозного, Иосифа Сталина) в социальных сетях, сочетающие мифологизацию прошлого с актуальной повесткой, также становятся каналом распространения ложных нарративов. Их создатели, оставаясь анонимными, используют авторитет исторических персонажей для легитимации контента, что особенно опасно в условиях постправды, где эмоциональное воздействие превалирует над фактологической точностью.

Политизация исторических фейков проявляется в заявлениях публичных фигур, таких как премьер-министр Украины А. Яценюк или министр иностранных дел Польши Г. Схетына, пытавшихся пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне. В январе 2015 года Арсений Яценюк, выступая в эфире немецкого телеканала ARD, заявил, что вторжение СССР на территорию Украины в 1944 году следует рассматривать не как освобождение от нацизма, а как «оккупацию», подчеркнув, что Украина пострадала «и от нацистов, и от советских войск». Это высказывание, прозвучавшее на фоне обострения российско-украинского конфликта

после воссоединения Крыма с Россией, было воспринято как попытка переформатирования коллективной памяти в рамках декоммунизационной политики, направленной на дистанцирование от советского наследия.

Параллельно министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына в интервью польскому радио RMF FM в январе 2015 года заявил, что концентрационный лагерь Освенцим (Аушвиц-Биркенау) был освобождён «украинскими солдатами», имея в виду 1-й Украинский фронт Красной армии. Данное утверждение, несмотря на его фактическую неточность (1-й Украинский фронт был формированием СССР, а не независимой Украины), стало частью нарратива, направленного на маргинализацию роли СССР в победе над нацизмом. Г. Схетына позже уточнил, что имел в виду «солдат украинской национальности», однако это не отменило резонанса, вызванного первоначальной формулировкой.

Реакция на высказывания Яценюка и Схетыны со стороны России была резко негативной. МИД РФ назвал их «кощунственными» и «ревизионистскими», подчеркнув, что подобные заявления оскорбляют память миллионов советских граждан, погибших в борьбе с нацизмом. Историки обратили внимание на противоречия в аргументации: например, 1-й Украинский фронт, освобождавший Освенцим, включал представителей множества национальностей СССР, а сама Красная армия была многонациональным формированием, что делает попытки этнической «приватизации» победы методологически некорректными.

Данный кейс иллюстрирует, как историческая память становится инструментом геополитического противостояния. Пересмотр роли СССР в победе над фашизмом служит целям консолидации национальной идентичности в постсоветских государствах, но одновременно обостряет конфликты с Россией, для которой Великая Отечественная война остаётся ключевым элементом исторической легитимности. Подобные высказывания, будучи встроенными в более широкий дискурс «деколонизации истории», отражают тенденцию к фрагментации единого нарратива о Второй мировой войне, где акцент смещается с антигитлеровской коалиции на трагедию «оккупированных народов». Это создаёт риски для формирования инклюзивной памяти о войне, заменяя её конкурирующими версиями, обслуживающими текущие политические интересы.

Катализатором глубокого мемориального конфликта, раскрывающего противоречия в интерпретации ключевых событий XX века, стала и резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятая в 2019 году. Центральным пунктом разногласий стало положение об уравнивании ответственности нацистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, а также тезис о преступном характере коммунистической идеологии, поставленной в один ряд с нацизмом. Данная позиция, закреплённая в тексте резолюции, вызвала резкую критику со стороны Российской Федерации, усмотревшей в ней попытку ревизии истории, направленную на принижение роли СССР в победе над нацизмом. В частности, осуждение пакта Молотова-Риббентропа (1939) как фактора, способствовавшего разделу Европы, было воспринято как игнорирование контекста предвоенных международных отношений и роли других участников (например, Мюнхенского сговора 1938 года) (3, с. 51).

Страны Восточной Европы, включая Польшу, Литву, Латвию и Эстонию, поддержали резолюцию, акцентируя двойственность своей исторической травмы: нацистскую оккупацию и последующее доминирование СССР в рамках социалистического блока. Для этих государств документ стал инструментом легитимации политики декоммунизации, включая демонтаж советских памятников и пересмотр учебных программ. Одновременно резолюция подчеркнула тезис об «оккупации» Восточной Европы СССР после 1945 года, что противоречит российской нарративной традиции, трактующей освобождение региона как акт спасения от нацизма. Это противоречие усугубилось требованиями отдельных стран (например, Польши) о репарациях, что усилило напряжённость в отношениях между ЕС и Россией (4, с. 1067).

Принятие резолюции высветило структурный раскол в европейской исторической памяти, где «старая» Европа (Франция, Германия) демонстрирует осторожность в оценках прошлого, а «новая» Восточная Европа настаивает на радикальном пересмотре нарративов. Этот конфликт стал частью более широкого противостояния, усугублённого кризисом европейской интеграции и ростом националистических настроений (1, с. 244). Для России резолюция послужила стимулом к усилению «политики памяти», направленной на героизацию роли СССР в Великой Отечественной

войне, включая принятие законов о «защите исторической правды» и криминализацию «фальсификации истории».

Мемориальный конфликт вокруг резолюции Европарламента отражает не только борьбу за интерпретацию прошлого, но и её влияние на современные международные отношения. Прошлое становится ресурсом для легитимации политических стратегий, будь то требования репараций, консолидация национальной идентичности или идеологическое противостояние. Этот процесс подчёркивает, что историческая память остаётся полем битвы, где сталкиваются не только академические интерпретации, но и геополитические интересы, формируя новые вызовы для диалога и взаимопонимания в глобализирующемся мире.

Обсуждение результатов

Конфликты памяти, или «мемориальные войны», возникают как следствие конкуренции нарративов в медиапространстве. Государства, политические акторы и гражданские сообщества борются за доминирование своих версий истории, используя медиаканалы для легитимации идеологий или формирования идентичностей. При этом академические исследования уступают место пользовательскому контенту, который, несмотря на риски фейковизации и мифологизации, воспринимается как достоверный источник из-за своей доступности и эмоциональной убедительности.

Цифровые технологии и социальные медиа трансформируют способы хранения и воспроизводства памяти. Архивы, библиотеки и музеи оцифровываются, а пользователи формируют «совместную память» через личные цифровые архивы, социальные сети и краудсорсинговые платформы. Это приводит к демократизации мнемонических практик, где массовое участие интернет-пользователей конкурирует с официальными нарративами, продвигаемыми государством и институтами. Медиапамять становится полем борьбы интерпретаций, где эмоционально насыщенные мифы и упрощённые схемы часто заменяют академическое знание.

Ключевой особенностью мемориальных войн является их опора на визуальные и дискурсивные стратегии, адаптированные к логике цифровых платформ. Социальные сети, онлайн-архивы, видеохостинги и мемы превращаются в инструменты репрезентации прошлого, где исторические

факты смешиваются с мифами, упрощёнными схемами и эмоционально заряженными образами. Например, демонтаж памятников советской эпохи в Восточной Европе, сопровождаемый хештегами вроде #ленинопад, или споры вокруг переименования улиц в США в рамках движения Black Lives Matter, транслируются через медиа как символические акты «исправления истории», формируя новую топографию памяти. При этом пользователи, вовлечённые в создание контента, становятся соавторами исторических нарративов, что размывает границы между профессиональной историографией и массовой культурой.

Политические акторы активно эксплуатируют историческую память, чтобы укрепить национальную идентичность или делегитимизировать оппонентов. Заявления лидеров, подобные тезисам Арсения Яценюка о «советской оккупации Украины» или Гжегожа Схетыны об «украинских освободителях Освенцима», становятся частью информационных кампаний, где исторические нарративы используются для обоснования внешнеполитических решений. Государства внедряют цифровые проекты — виртуальные музеи, интерактивные карты памяти, — чтобы конкурировать за символическое пространство, как это демонстрирует российский портал «Память народа» или украинская платформа «Электронный архив освободительного движения».

В условиях, когда традиционные формы коммуникативной, культурной и исторической памяти интегрируются в цифровую среду, ключевым механизмом конструирования представлений о прошлом становится медиапамять. Её специфика заключается в стирании границ между личным и коллективным, устным и письменным, а также в активной роли пользователей как создателей и распространителей исторического контента. Медиапамять представляет собой социальный феномен цифровой эпохи, возникающий в результате глубокой трансформации коллективной памяти под влиянием медиатизации и цифровизации.

Важным аспектом медиапамяти является её эмоциональная составляющая. Эмоции, такие как скорбь, вина или триумф, играют ключевую роль в коммеморативных практиках и политике памяти, формируя коллективные представления через мифологизацию и стереотипизацию. Примеры включают использование интернет-мемов, фильмов-катастроф или театрализованных реконструкций, которые смешивают исторические

факты с художественным вымыслом, создавая новые интерпретации прошлого.

Медиапамять — это динамичный и плюралистичный феномен, объединяющий коммуникативную, культурную, социальную и историческую память в цифровой среде. Ее формирование определяется взаимодействием технологий, эмоций, массового участия и конкуренции нарративов, что делает ее ключевым элементом современных процессов конструирования коллективной идентичности и исторического сознания. Мемориальные войны в контексте медиапамяти представляют собой конфликты интерпретаций исторических событий, разворачивающиеся в публичном цифровом пространстве, где медиа выступают как инструмент формирования, трансляции и конкуренции коллективных воспоминаний. Эти войны возникают на пересечении политики, идеологии и культуры, отражая борьбу за доминирование определённых нарративов о прошлом, которые легитимируют современные идентичности, властные структуры или геополитические амбиции. Медиапамять, понимаемая как совокупность цифровых и медийных практик конструирования исторического сознания, становится ареной столкновения официальных, альтернативных и маргинальных версий истории, усиленных технологиями виральности, алгоритмической селекции и эмоциональной вовлечённости аудитории.

Выводы

Медиапамять усиливает динамику мемориальных войн за счёт гибридизации форм памяти: личные воспоминания, загруженные в социальные сети, соседствуют с государственной пропагандой, а документальные кадры перемонтируются в пропагандистские ролики. Алгоритмы платформ, продвигающие конфликтный контент, усугубляют поляризацию, превращая прошлое в «кликабельный» ресурс для манипуляции вниманием. Ярким примером служит использование исторических фейков, таких как мифы о «Влесовой книге» или «Новой хронологии», которые, будучи опровергнуты академическим сообществом, продолжают циркулировать в цифровой среде, подпитывая антинаучные дискурсы.

Однако медиапамять не сводится к инструменту манипуляции, она также создаёт возможности для диалога и рефлексии. Краудсорсинговые

инициативы, такие как «Бессмертный полк» или проекты по оцифровке устных историй, показывают, как цифровые технологии могут демократизировать доступ к прошлому, позволяя маргинализированным группам заявить о своём историческом опыте. Тем не менее, доминирующим остается конфликтный режим памяти, где каждая сторона апеллирует к «исторической правде», отрицая сложность и многоголосие прошлого.

Таким образом, мемориальные войны в контексте медиапамяти раскрывают парадокс цифровой эпохи, технологическое расширение доступа к информации сопровождается ростом мифологизации истории. Прошлое становится нестабильным конструктом, зависящим от текущих идеологических битв, а медиаплатформы — полем, где коллективная память постоянно пересобирается под влиянием алгоритмов, эмоций и геополитических интересов.

Список источников

1. Бордюгов Г. А. (2020), Память о Второй мировой войне 2020: война продолжается, Третья мировая, мемориальная [Memory of the Second World War 2020: the war continues, World War III, memorial]. Историческая экспертиза. № 4(25). С. 237-253. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253.
2. Гийо Д. (2022), Об украинском кризисе: хотят ли русские войны? [About the Ukrainian crisis: Do Russians want war?]. Российское право онлайн. № 1. С. 5-9. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.005-009
3. Ильичева М. В., Пророк В., Аверкиева Е. В. (2021), Политика памяти и уроки «умиротворения» [The politics of memory and the lessons of «pacification»]. Социально-политические науки. Т. 11, № 6. С. 49-55. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-49-55.
4. Кантор Ю. З. (2021), Девиации исторической политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве [Deviations of historical politics in Eastern Europe and the post-Soviet space]. Quaestio Rossica. Т. 9, № 3. С. 1064-1079. DOI: 10.15826/qr.2021.3.627.
5. Комплеев, А. В. (2021), Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве [Historical

- plots of modern memorial wars in the post-Soviet space]. *Tempus et Memoria*. № 2(1). С. 53–58. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.007
6. Кузнецов А. И. (2013), По долгу исторической памяти [Due to historical memory]. *Международная жизнь*. № 6. С. 107-115.
 7. Линченко А. (2024), Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах [Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in the Commemorative Practices of the Black Olives Matter movement: a Comparative analysis of Media Discourses in English-speaking countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. № 6(1) С. 225-243. DOI: 10.46539/gmd.v6i1.447
 8. Миллер А. И. (2016), Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти [Memory politics in Post-Communist Europe and its impact on European memory culture]. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. № 1(80). С. 111-121.
 9. Николаи Ф. (2021), Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти [Memory Modes, national narratives, and identity politics: The Open Future of Memory Research]. *Новое литературное обозрение*. № 1. С. 305–314.
 10. Сафронова Ю. (2019), Историческая память: введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге [Historical memory: an introduction]. Санкт-Петербург: АНОО высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге».
 11. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. (2021), Историческая память в социальных медиа [Historical memory in social media]. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя.
 12. Тульчинский Г. Л. (2015), Историческая память в символической политике и информационные войны [Historical memory in symbolic politics and information warfare]. *Философские науки*. № 5. С. 24-33.

References

1. Bordyugov, G. A. (2020), Memory of the Second World War 2020: the war continues, World War III, memorial. Historical expertise. No. 4(25). pp. 237-253. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-4-237-253. (In Russian)
2. Guillot, D. (2022), On the Ukrainian crisis: Do Russians want war? Russian Law Online. No. 1. pp. 5-9. DOI: 10.17803/2542-2472.2022.21.1.005-009 (In Russian)
3. Ilyicheva, M. V., Prorok, V., Averkieva, E. V. (2021), The politics of memory and the lessons of «pacification». Socio-political Sciences. V. 11. No. 6. pp. 49-55. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-49-55. (In Russian)
4. Kantor, Y. Z. (2021), Deviations of historical politics in Eastern Europe and the post-Soviet space. Quaestio Rossica. Vol. 9. No. 3. pp. 1064-1079. DOI: 10.15826/qr.2021.3.627. (In Russian)
5. Compleev, A.V. (2021), Historical plots of modern memorial wars in the post-Soviet space. Tempus et Memoria. No. 2(1). pp. 53–58. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.007 (In Russian)
6. Kuznetsov A. I. (2013), Due to historical memory. The International Affairs. No. 6. pp. 107-115. (In Russian)
7. Linchenko, A. (2024), Forms of historical oblivion and figures of silence in the commemorative practices of the Black Lives Matter movement: a comparative analysis of media discourses in English-speaking countries. Galactica Media: Journal of Media Studies. No. 6(1). pp. 225-243. DOI:10.46539/gmd.v6i1.447 (In Russian)
8. Miller, A. I. (2016), Memory politics in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). No. 1(80). pp. 111-121. (In Russian)
9. Nicolai, F. (2021), Memory modes, national narratives, and Identity politics: The Open Future of memory research. New Literary Review. No. 1. pp. 305-314. (In Russian)
10. Safronova, Yu. (2019), Historical memory: an introduction. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. Saint Petersburg: ANOO vysshego obrazovaniya «Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge». (In Russian)

11. Tikhonova, S. V., Artamonov, D. S. (2021), Historical memory in social media. St. Petersburg: Izdatelstvo Aletejya. (In Russian)
12. Tulchinsky, G. L. (2015), Historical memory in symbolic politics and information wars. Philosophical Sciences. No. 5. pp. 24-33. (In Russian)

Информация об авторе

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой методики обучения истории и обществознанию, профессор кафедры теоретической и социальной философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация. E-mail: artamonovds@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-012612.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29.04.2025. Одобрена после рецензирования: 20.05.2025. Принята к публикации: 05.06.2025. Опубликована: 30.06.2025.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Denis S. ARTAMONOV, DSc (Philos.), Head of Department of History and Social Studies Teaching Methods, Professor of Department of Theoretical and Social Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State University», Saratov, Russian Federation

E-mail: artamonovds@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Sponsorship Information

The reported study was funded via grant of Russian Science Foundation No. 25-28-012612.

Article info

Submitted: 29.04.2025. Approved after peer review: 20.05.2025. Accepted for publication: 05.06.2025. Published: 30.06.2025.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.